

8. Ландо И.И. Историко-географическая характеристика народного хозяйства Пензенского края // Ученые записки Пензенского педагогического института. Пенза, 1960.

9. Наякшин К.Я. Очерки истории Куйбышевской области. Куйбышев: Кн. издательство, 1962. 352 с.

10. ГАСО. Ф. 3. Оп. 160. Ед. хр. 21.

11. ГАСО. Ф. 3. Оп. 150. Ед. хр. 17.

12. ГАСО. Ф. 3. Оп. 233. Д. 1753.

13. РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 32.

14. Щербаков Е.В. Город и его историческая трансформация как философская проблема // Южно-русский форум. 2013. № 2(7). С. 102–116.

15. Шелгунов Н.В. Экономическое значение наших городов // Русское слово. 1865. № 7.

16. ГАСО Ф. 150. Оп. 3. Д. 467 «Ведомость о существующих в самарском уезде ярмарках, торжках и базарах за 1897 г.».

Статья публикуется при поддержке гранта Президента РФ МК-5966.2016.6.

HISTORICAL TRANSFORMATION OF CITIES ORIGINALITY OF SAMARA PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

© 2016

Yu.V. Korneeva, candidate of historical sciences, associate professor of the Chair of Tourism and Hotel Business
Volga Region State University of Service, Togliatti (Russia)

Abstract. The problem of historical cities formation is very relevant in recent years. The second half of the XIX century is a period of reforms in the Russian history, when many values were rethought. This historical period was a period of industrialization and urbanization, when a provincial city got its new development and prosperity. This paper is devoted to the historical development and transformation of the Samara province city in the second half of the XIX century. Every city of the Samara province passed a unique way of development during the study period and contributed to the development of the originality region. Both sides characterize the originality of the cities: economic and social. Economic uniqueness of the Samara province cities in the second half of the century was reflected in such indicators as: industrial production and development of trade relations (in the province there was a variety of places and forms of trade: fair, railway station and harbor). A social component of the originality of the region county town was made of the population characteristics: the number, class hierarchy, the mentality. Each element formed the uniqueness of the county towns as well as created a common image of industrial Russia.

Keywords: city; Samara province; the second half of the XIX century; the urban population; urbanization; industrialization; industry; fair; river pier; economic development; agrarian relations; tradesmen; merchants; rural population; urban mentality; Samara.

УДК 94 (47)

ОРГАНИЗАЦИЯ СТАНИЧНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК ОСНОВА ПОВСЕДНЕВНОЙ КАЗАЧЬЕЙ ЖИЗНИ

© 2016

С.В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России
Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург (Россия)

Е.В. Годовова, кандидат исторических наук,
доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Оренбургский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Оренбург (Россия)

Аннотация. В данной статье рассматривается эволюция становления системы местного самоуправления в казачьих войсках в России. Казаки, проживающие в станицах с принадлежащими ей поселками и поселениями (хуторами), составляли станичное общество. Органами местного казачьего самоуправления были: станичный сход (круг), станичный атаман со станичным правлением и станичный суд. Организация станичного самоуправления в казачьих войсках была практически идентична, что объясняется тем, что реформирование казачьих войск шло по образцу Донского и Кубанского войск. К началу XX вв. эта система местного казачьего самоуправления трансформировалась. Растущая имущественная, образовательная и, как следствие, психологическая разобщенность казаков вкупе с административным диктатом делали своё дело: падал уровень ответственности выборных, в казаках все больше проявлялась лень и равнодушие. Современники отмечали, что многие члены станичных правлений рубежа веков были малограмотны, склонны к вымогательству и пьянству. Все большее количество казаков не посещали сходы и не платили станичные сборы. Но, несмотря на это, казачья община продолжала жить, регулировала поземельные отношения, способствовала развитию здравоохранения и образования.

Ключевые слова: российское казачество; станичное самоуправление; общественное управление станиц; повседневность; повседневная жизнь казачества; станичный атаман; станичный сход; станичный суд; станичная община.

Под местным управлением Российской империи в науке понимают систему всех территориальных административных структур в пределах губернии или груп-

пы губерний, как государственных, так и самоуправленческих [1, с. 45]. К последним относятся «сословные» органы местного самоуправления, в том числе казачьи.

Вопросы организации местного самоуправления казачьих территорий поднимались учеными-казакаведами как в дореволюционный период, так и на современном этапе. Это труды Е.П. Савельева [2], С.Г. Сватикова [3], Ф.А. Щербины [4], Е.Д. Фелицына [5], Б.Б. Игнатьева [6], Н.И. Бондаря [7], А.Н. Малукало [8] и других. Анализ этих работ показал, что авторы рассматривали систему местного казачьего самоуправления как своеобразный институт, практически не исследуя особенности повседневной жизни станичной среды, в которой эволюционировало казачество. Источниковой базой данной статьи стали не только нормативно-правовые акты, но и этнографические отчеты, воспоминания, материалы периодической печати.

Целью настоящего исследования является изучение организации станичного самоуправления как основы повседневной казачьей жизни.

Организация станичного самоуправления в казачьих войсках была практически идентична, что объясняется тем, что реформирование казачьих войск шло по образцу Донского и Кубанского войск. Казачья станичная община была элементарной единицей войскового деления, сохраняла специфические черты самоуправления, реализации воинских приоритетов, взаимопомощи, половозрастную структуру [9, с. 21].

Казаки, проживающие в станицах с принадлежащими ей поселками и поселениями (хуторами), составляли станичное общество. Казачья община в отличие от крестьянской учреждение не только гражданское, но и военное, а, следовательно, круг деятельности казачьей общины был шире «на всю сумму тех нужд и потребностей, которые вытекали из условий казачьего военного быта». [10, с. 57].

Согласно Положению об общественном управлении станиц в казачьих войсках, утвержденному 13 мая 1870 г., решением станичных дел занимались: станичный сбор, станичный атаман, правление и суд.

Действие этого документа распространилось на все казачьи войска, кроме Уральского, для которого согласно закону «установлены особые правила по устройству общественного управления казаков» [11].

Органы местного самоуправления составляли: станичный сход (круг), станичный атаман со станичным правлением и станичный суд.

В станичный сход входили все домохозяева, принадлежащие к станичному обществу.

Станичный сход обладал следующими правами: избирать атамана станицы, судей и писарей, назначать различных должностных лиц, например, церковного старосту, смотрителя хлебного магазина и др., и осуществлять контроль за их деятельностью, назначать жалование или иное вознаграждение станичным должностным лицам, распределять паевые наделы, сдавать земли в аренду, определять очередность и порядок несения земских повинностей, использовать средства станичного капитала [11]. Одной из основных обязанностей станичного схода была охрана общественной собственности, чтобы «польза общая была предпочтительнее частной, чтобы все обыватели довольствовались выгодами уравнительно и никто не присвоивал не принадлежавшее ему» [12, с. 112].

Архивные данные свидетельствуют, что станичный сход обеспечивал казакам прямую защиту. Ата-

ман станицы Абхазской защищал своего станичника Т. Онищенко от кредитора [13, л. 31]. Правление станицы Попутной в 1873 г. поддержало казака Буланкина, который был незаконно оштрафован на 8 рублей за порубку леса в юрте станицы Передовой [14, л. 1–3 об.]. Расшеватский станичный сбор вступился за чабана Е. Горлова, который избил земельного поверенного станицы Темижбекской С. Щеглова, когда последний застал его на пастбище своей станицы. Сходу удалось доказать, что Щеглов неоднократно вымогал у расшеватских пастухов деньги и нарушил обычай, согласно которому казаки соседних общин свободно пасли скот на землях друг друга. Щеглов был посрамлен и, опасаясь судебного преследования, поспешил замять дело [15, л. 1–32]. Казаки поддерживали и тех чужаков, которые оказывали общине услуги. Сход станицы Абинской постановил снизить налогообложение для Темрюкского мещанина Борзика на 243 рубля 20 копеек за его неоднократную помощь станице «как деньгами, так и делами» [16, л. 2–2 об.].

На станичном сходе каждый казак пользовался правом голоса наравне с другими; лишали права голоса буянов, пьяниц, порочных или сильно скандализировавших лиц [10, с. 60]. Так, приговором от 29 мая 1879 года общество станицы Упорной Кубанского казачьего войска освободило своего казначея Тимофеева от должности и лишило его права участия в сходах за то, что он 15 мая, столкнувшись со станичным атаманом Числова с лошади, заявил в правлении, что атаман утерян, а затем начал звонить в колокола, чем нарушил спокойствие станицы, на просьбы станичного писаря урядника Жужнева прекратить бить тревогу он не обратил никакого внимания [10, с. 60].

Следует отметить, что лишение участия в сходах считалось для казаков, дорожащих своим положением, довольно чувствительным наказанием, и, осознавая, что завтра любой из общины мог оказаться на месте этого «несчастливого», казаки терпимо относились друг к другу и строго отличали «своих заблудших, но подающих надежды на исправление членов от лиц, явно вредных и неисправимо порочных» [10, с. 61]. Следить за поведением оступившегося человека – пьющего, буянившего, гулящего – общество поручало соседям, родителям, супругам и детям. Например, общество станицы Кисляковской в 1872 году постановило сделать внушение молодому казаку, сильно выпивавшему и буянившему, и поручило надзор за его поведением двум соседям [10, с. 61].

Следует отметить многочисленность казачьего схода, на который собирались 500–700 и более человек (особенно зимой), но при этом казаки по сравнению с крестьянами отличались дисциплинированностью. Вероятно, особое уважительное отношение казаков к власти, старикам заставляло их сдерживать себя во время обсуждения каких-либо вопросов, давая возможность высказываться всем желающим. Только когда дело касалось какого-то особо острого вопроса, казаки оживлялись и обсуждение становилось бурным.

Конечно, не все казаки принимали участие в сходах, за что получали наказание: за «неисправное посещение» устанавливали штрафы от 50 коп. за неявку в первый раз до 9 руб. за неявку в третий раз. Однако

важнейшие общественные дела решались при значительном участии домохозяев [10, с. 68].

В целом, станичные сходы согласно положению 1870 года обладали широкой юрисдикцией, но не довольствовались только тем, что было предписано законом, а применяли и обычное право, опираясь на общинную власть.

Введение в действие «Положения об общественном управлении в казачьем войске» 1870 г., с одной стороны, позволило самостоятельно решать некоторые вопросы местной жизни, связанные с хозяйственной деятельностью, открытием учебных заведений в станицах и поселках, определением очередности выхода на полевую службу, но, с другой стороны, решения, принимаемые станичными обществами, не всегда были правильными. Многолюдные митинги в плотно населённых станицах, возможность передавать свой голос другим казакам приводили к тому, что отдельные жители, собрав несколько голосов, принимали только выгодные им решения [17, с. 159]. Например, сына вдовы с тремя детьми могли поставить первоочередным, а тех, кто побогаче и зажиточнее (первоначально договорившихся и подкупивших ряд людей) во вторую очередь и ниже [18, с. 34].

В 1880-е годы представители военного министерства обнаружили «банкротство общественного управления: станичные капиталы исчезли, на станичных обществах накопились долги, казаки стали являться на службу в неисправном обмундировании. Благодаря гражданскому строю в населении стали развиваться нежелательные наклонности: нарушение дисциплины, неуважение к родителям, к старшим, леность, праздность, беспечность в заведении обмундирования» [19, с. 48].

С целью устранения недостатков в 1891 году было утверждено новое «Положение об общественном управлении станиц казачьих войск». Как отмечал Военный министр генерал-адъютант П.С. Ванновский, в новое положение включили ряд мер, направленных:

- 1) к более правильному устройству станичных и хуторских Сборов и разрешению в них общественных дел;
- 2) к более правильной и отвечающей потребности населения деятельности станичного суда;
- 3) к замещению общественных должностей достойными лицами;
- 4) к обеспечению исправного отправления ими земских и станичных повинностей и пополнения недоимок.

В административную систему станичного самоуправления также входили: станичный сбор, станичный атаман, станичное правление и станичный суд.

По Положению 1891 года станичный сбор (сход) состоял из станичного атамана, его помощников, судей, казначея и казаков. В тех станицах, где было до 30 казачьих дворов, в сходе принимали участие все казаки, в станицах больше 30 казачьих дворов, но менее 300 на сход посылали около 30 выборных. В станицах, имеющих более 300 дворов, в сходе участвовали выборные казаки, по одному от каждых 10 дворов [20].

Избирать и быть избранным мог каждый казак, достигший 20 лет, не состоящий под следствием или под судом. Так, в повестке Аксайского станичного атамана (*Донское казачье войско – Е.Г.*) войскового

старшины Бородина сказано: «Прошу всех казаков станицы Аксай и иностранчиков, достигших 20 летнего возраста и не состоящих под судом, пожаловать в Воскресенье 30 июля сего года в станичное правление для избрания выборных станицы Аксайской путем подачи записок» [21, л. 22]. Порядок был следующим: каждый гражданин и гражданка с 9 часов утра до 6 часов вечера обязаны были явиться в станичное правление и, выбрав из списков 15 человек на отдельную записку, опустить эту записку в ящик своего участка. Избранными считались те, кто получил больше голосов из числа прибывших [21, л. 22].

Станичному сбору предоставлялись большие полномочия по регулированию местных хозяйственных и иных вопросов, четко определенных в его правах и обязанностях. Основными из них являлись: избрание хуторских, станичных атаманов и членов станичного управления, открытие начальных училищ и кредитных учреждений, установление общественных запашек, распределение поземельного довольствия между всеми поселениями станицы, выдача хлебных или денежных ссуд нуждающимся, контроль за исправным снаряжением казаков на службу, исключение из станичного общества его членов и прием новых [22]. В XIX – начале XX в. сход контролировал и передвижение казаков. Так, в 1901 г. казак станицы Переправной К.Д. Саранчин с согласия сбора переехал в станицу Прочноокпскую. Житель станицы Ширванской Г. Рудаков был отпущен сбором на год «в разные места Эриваньской губернии» [23, л. 87, 94].

Положение четко прописывало вертикаль войсковой власти: войсковой наказной атаман – окружной атаман – станичный атаман. В прямом подчинении станичным атаманам по военной и полицейской части находились хуторские атаманы [24, с. 81].

Первое место на станичном сходе занимал станичный атаман. Он управлял повседневным ведением дел, являлся административно-полицейским лицом, которому подчинялись все проживающие в пределах станичного юрта люди, т.е. представители войскового и невойскового сословия. Так, он был обязан следить за соблюдением законности и порядка, принимать решения в условиях чрезвычайных ситуаций, исполнять приговоры станичного суда и прочих судебных учреждений. По делам общественным станичный атаман был обязан управлять деятельностью станичного схода; следить за состоянием дорог, мостов, перевозов; наблюдать за выполнением обязанностей должностными лицами общественного управления [11]. Следил станичный атаман и за отбыванием казаками военной службы.

Для станичного атамана и судей станичного суда, если они не имели военные или гражданские чины, вводился возрастной ценз – 33 года [24, с. 81]. Однако, обычно в атаманы выбирали отставных чиновников или ушедших в отставку казачьих офицеров в возрасте от 42 до 50 лет [25, с. 640].

При выборе атамана народ требовал, чтобы он не только умел писать, но и был честным, общительным, открытым для просьб и иногда мог пригласить на рюмку водки [26, с. 589]. Как отличие звания станичному атаману присваивалась «насека» (Насека – род булавы, знак достоинства низших казачьих начальников и станичных атаманов; длинная деревянная

трость, обвитая резьбой в виде веток и окрашенная под орех, а на ней серебряная головка, небольшое шаровидное навершие), также он отличался от других станичников особой формой одежды. Современник, описывая уманского станичного атамана, отмечал его особую солидность и свойственную военным манеру держаться. Высоко поднятая голова, озабоченный взгляд, важная походка, скрип сапог при каждом шаге вместе с оружием и другими атаманскими доспехами, украшавшими мундир, – все выдавало в нем человека, которого голой рукой не возьмешь [27].

Положение об общественном управлении станиц 1891 г. прописало права и обязанности станичных начальников. Так, станичный атаман должен был следить за порядком в пределах станичного юрта, имел право наказывать дебоширов и хулиганов путем наложения административного взыскания: денежного штрафа в размере не более трех рублей в пользу общественных сумм или ареста на срок не более трех дней либо назначения общественных работ и станичных повинностей на срок до трех дней [20]. Станичный атаман выполнял и полицейские функции. Он осуществлял руководство деятельностью станичного сбора, собирал и распускал его, претворял в жизнь решения выборных. Атаман был ответственным за сохранность и приумножение общественного имущества и объектов государственного значения, находящихся в пределах юрта, имущества частных лиц, находившегося под надзором станичного правления. Он должен был обеспечить своевременный выход казаков на службу, отвечал за наличие у них необходимого обмундирования и снаряжения. Атаман организовывал выполнение казаками и прочих повинностей, а также распоряжений вышестоящих властей [28, с. 174]. Станичный атаман получил право присутствовать при разбирательстве дел в станичном суде и по назначению атамана отдела мог председательствовать на его заседаниях [29, с. 21].

Станичному атаману предоставлялось право разрешать отлучки из станицы казакам служилого состава до одного месяца, а остальным станичникам до одного года. С 1903 г. в Донском, Кубанском, Терском, Астраханском, Оренбургском, Сибирском и Семерчинском казачьих войсках атаман мог разрешать с согласия станичного сбора отлучки до одного года казакам третьей очереди и запасного резерва [30, л. 10 об.]. Неявившихся вовремя наказывали, а отсутствующих больше положенного срока по не известным причинам исключали из казачьего сословия. Так, сына оренбургской казачки Максима Косарева, находящегося в неизвестной отлучке более 10 лет, в январе 1914 года исключили из войскового сословия [31].

Станичный атаман вместе с помощниками и казначеем входили в состав исполнительного органа власти – станичного правления, которое состояло из станичного схода, позже замененное выборными от каждого десятка домохозяев станицы [32, с. 193]. Станичное правление решало дела станичного схода, ежемесячно проверяло станичные суммы и станичные хлебные запасные магазины, ежегодно избирало от четырех до двенадцати очередных судей не моложе 33 лет для станичного суда, который собирался через каждые две недели по воскресеньям (если необходимо, то чаще) [33, л. 6].

Атаманская должность была нелегкой, ответственной и не особо прибыльной. Так, атаман станицы Кардаиловской Оренбургского казачьего войска при жаловании 300 рублей в год занимался хлебопашеством [34, л. 4 об.]. Бывали случаи, когда атаманам, по сути, предлагали взятки. В 1904 году казак Круглоозерновской станицы Уральского казачьего войска А. Осипов предложил через третьих лиц наказному атаману войска К.Н. Ставровскому жертвования на благотворительные учреждения в размере 5 тысяч рублей, поставив условием, чтобы его назначали на службу в Уральскую отдельную сотню. Этот поступок вызвал негодование атамана, поскольку был воспринят им как неуважение, и усомнения в том, что его (наказного атамана) можно отклонить тем или иным способом от долга справедливости и равного, беспристрастного отношения ко всем казакам. Следует отметить, что атаман, принимая во внимание молодость и «умственное неразвитие» казака Осипова, не придал его суду, а ограничился наложением дисциплинарного взыскания, а именно ареста на 20 суток [35].

В Сибирском казачьем войске по свидетельству Г.Е. Катанаева должность атамана была даже унижительной. Он писал во время одной из своих поездок по войску, как в станице Семиярской атаманом был назначен богатый и известный человек, Георгиевский кавалер, вахмистр Трубачев, вынужденный «в течение шести лет играть роль беспрекословного исполнителя приказаний и требований всякого мелкого чинушки, командированного уездным начальником – торчать в передней при приезде начальника наряду со сторожами и т. д., не смея сесть, в то время как волостное управление сидели». «Сколько есть других разумных, почтенных, влиятельных, распорядительных людей, – отмечал Г.Е. Катанаев, – которые не пойдут в атаманы только потому, чтобы не попасть в унижительное для них положение» [36, с. 28]. Служба поселкового атамана воспринималась как наказание, т.к. если они и получали жалование, то оно было очень маленьким – от 3 до 5 рублей в месяц [36, с. 28].

Используя служебное положение, часть атаманов эксплуатировала общественное имущество в корыстных целях. Некоторые атаманы только таким способом могли поддерживать достойный образ жизни, так как их жалование было слишком низким, а прочие доходы – скудными. Последние росли гораздо медленнее цен [37, с. 1]. В 1896 г. родниковский атаман был уличен в растрате общественных сумм [38, с. 3]. В 1905 году кардаиловский атаман Андрей Дарьин получив от поселкового казначея Красноярского поселка 30 рублей общественных денег, оплаченных в счет погашения долга за казака Мухтаренкого, не сдал эти деньги в станичный военный капитал, а потратил сам. За это он был лишен звания урядника и отдан под суд [39]. В 1905 г. атаман станицы Баталпашинской Я. Брянцев во время нарезки земли малолетним казакам присвоил себе около 117 дес. станичной земли. Он продолжал незаконно пользоваться ей и в 1911 г. Так как время для подачи жалобы на незаконный захват земли было упущено, сенат порекомендовал станичному обществу подать на атамана в суд. [40, л. 2–2 об., 29–30]. В Сибирском казачьем войске в 1909 году за растрату общественных сумм и

преступлений по службе были преданы суду 66 должностных лиц станичного самоуправления, в 1910 г. – 48 человек [41]. Общество станицы Березанской в 1917 г. подало иск на бывшего атамана Шрамко, который обвинялся в незаконном пользовании землей, за которое общество хотело взыскать с него 1161 рубль 52 копейки [42, л. 55].

Несмотря на это, казаки, получив возможность не только избирать, но и сменять станичных атаманов, их помощников и судей, довольно часто выбирали на должность станичных атаманов людей беспринципных, нетребовательных или просто тех, с кем можно договориться [17, с. 159].

В целом, экономические отношения рыночного типа, проникающие в станицу, постепенно разлагали институт атаманства, но источники свидетельствуют, что пьяниц, казнокрадов, дебоширов в станичное и поселковое руководство попадало гораздо реже, чем порядочных, справедливых и хозяйственных руководителей, пользующихся всеобщим уважением.

Правовую станичную систему составляли нормы как обычного, так и писанного права (в форме войсковых приказов, приговоров). Причем значение первых сохранялось вплоть до начала XX века. Нормы обычного права к концу XIX века контролировали имущественные, поземельные, семейно-брачные и другие отношения, демонстрируя, с одной стороны, прежнюю жесткость, с другой – приспособляемость к постоянно меняющимся социально-экономическим условиям жизни казачьих общин [43, с. 226].

Станичный суд состоял из суда станичных судей, который существовал в каждой станице, и суда почетных судей (одного на две станицы). Станичный суд рассматривал земельные споры: дела об огородах, базах, потравах и т.п.; семейные тяжбы, уголовные дела: кражи, драки. Поводом к началу разбирательства спора или тяжбы в станичном суде служило заявление одной из сторон – словесное или письменное. Причем обратиться в суд мог сам обиженный или, если же он был несовершеннолетним, его родители; станичный или поселковый атаман; свидетель произошедшего, если пострадавший сам по каким-либо причинам не хотел обращаться в суд [44, с. 29].

Характерные для второй половины XIX века социально-экономические и политические трансформации оказали влияние и на нормы обычного права, которые перестали работать в новых условиях. Судебно-правовая система демонстрировала к концу XIX века явные признаки кризиса. На страницах казачьей периодической печати люди жаловались на неэффективность станичных судов, отмечая, что станичные и поселковые атаманы, возложившие все судопроизводство на станичных судей, совершенно не считают себя обязанными даже вмешиваться в это дело», что «атаман может освободить станичного судью, или его сына, зятя от судебной повинности или бесплатно, или за сравнительно малую плату», что «редкий атаман приводит в свое время решение станичного суда в исполнение» и пр. [45, с. 98–99]. Наказной атаман Оренбургского казачьего войска В.Ф. Ожаровский во время объезда в 1908 году казачьих станиц отмечает, что к нему обратилось много казаков с ничтожными просьбами, которые могли решить как станичный суд, а также поселковые и станичные атаманы. По его мнению, это свидетельствовало о том, что «население

не находит надлежащий управы и надлежащих указаний у местной администрации, или плохо знающей свои обязанности, или же не желающей помочь просителям» [46].

Итак, система общественного управления станиц и поселков в окончательном виде сложилась в начале 1890-х гг. и содержала целый ряд недостатков, прежде всего, в сфере разграничения полномочий на разных уровнях власти. Решение жизненно важных вопросов постепенно перешло в руки казачьей верхушки и стало отражать ее интересы. Приговоры по всем относительно важным делам подлежали утверждению атаманов отделов, они должны были ревизовать все части станичного правления не менее одного раза в год. Жаловаться в столичные структуры, посылать в них выборных ходатаев казаки могли только с разрешения наказного атамана и военного министра. При этом все жалобы и прошения, посылаемые «наверх», должны были пройти через руки атамана отдела.

К концу XIX столетия под влиянием государства общинная организация приобретает окончательные формы. Л. Тмутараканский в своем этнографическом очерке отмечает все большее проявление среди казаков лени, пьянства и равнодушия [47, с. 263]. Падал уровень ответственности выборных. Растущая имущественная, образовательная и, как следствие, психологическая разобщенность казаков вкупе с административным диктатом делали своё дело. Многие выборные реальной общественной активности предпочитали её имитацию. С её помощью они хотели прославиться и добиться влияния [48, с. 38]. Но их уже не слишком заботил уровень собственной нравственности. Современники отмечали, что многие члены станичных правлений рубежа веков были малограмотны, склонны к вымогательству и пьянству [49, с. 109–111]. Все большее количество казаков не посещали сходы и не платили станичные сборы. Но, несмотря на эту трансформацию казачьей общины, она продолжала жить, регулировала поземельные отношения, способствовала развитию местной инфраструктуры: здравоохранения и образования. Кроме того, власти стремились к развитию социальной активности казачьих обществ. О чем свидетельствует появление таких форм организации казачьего самоуправления как кооперативные товарищества, помощь семьям, призванным на войны начала XX века и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Любичанковский С.В. Изучение эффективности местного управления Российской империи как научное направление: основные задачи и перспективы реализации на региональном материале // Вестник Омского университета. 2009. № 9. С. 45–47.
2. Савельев Е.П. Войсковой круг как народоправие на Дону. Новочеркасск, 1913.
3. Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549–1917). Исследования государственного и административного права и политических движений на Дону. Белград, 1924.
4. Кубанское казачье войско 1696–1888. Сб. кратких сведений о войске / под ред. Е.Д. Фелицина. Воронеж, 1888.
5. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска: В 2-х т. Екатеринбург, 1910–1913.

6. Игнатъев Б.Б. Развитие системы управления казачьих войск России (вторая половина XIX – начало XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.
7. Очерки традиционной культуры казачеств России / под ред. Н.И. Бондаря. М.; Краснодар, 2002.
8. Малукало А.Н. Кубанское казачье войско в 1860–1914 гг.: организация, система управления и функционирования, социально-экономический статус. Краснодар, 2003.
9. Власкина Т.Ю. Домашний мир на сломе эпох. Очерки традиционной культуры донских казаков (конец XIX – середина XX вв.); [отв. ред. Н.Л. Пушкарева]. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011.
10. Щербина Ф.А. Земельная община кубанских казаков // Кубанский сборник. Т. 2. Екатеринодар, 1891.
11. ПСЗ II. Т. 45. № 48354.
12. Полное общее управление станицами казачьих войск. Книга II. СПб, 1903.
13. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 38.
14. ГАКК. Ф. 355. Оп. 1. Д. 23.
15. ГАКК. Ф. 358. Оп. 1. Д. 43.
16. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1.
17. Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в трех веках. Челябинск, 1999.
18. Мемуары и воспоминания Генерала-от-Кавалерии Стефана Александровича Венеровского. СПб.: типография В.Д. Смирнова. Екатерининский канал, дом № 45, 1908.
19. Цит. по: История казачества Азиатской России. Екатеринбург, 1995. Т. 2.
20. ПСЗ III. № 7782.
21. ОПИ ГИМ Ф. 284. Оп. 1. Д. 4.
22. Трут В. Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций [Электронный ресурс] // <http://www.plam.ru>.
23. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16.
24. Косенков Е.И. Станичное управление в Донском войске // Вестник Томского государственного университета. № 327. 2009.
25. Кириллов П. Новоминская станица. Статистическое описание // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1888. Т. 1.
26. Арканников Ф.Ф. Николаевская станица. Статистико-этнографическое описание // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1888. Т. 1.
27. Тер В. Атаман Павлоградский [Электронный ресурс] // Станица. 24 ноября 2004 г. – <http://gipanis.ru>.
28. Положение об общественном управлении станиц казачьих войск // Из культурного наследия славянского населения Кубани. Краснодар, 1999.
29. Андреев С.М. Становление и развитие станичного самоуправления в Сибирском казачьем войске // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сборник научных статей. Вып. 3 / Науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2012.
30. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА) Ф. 1149. Оп. 13. Д. 24 (1905 г.).
31. Приказы по ОКВ. 1914. № 81.
32. История Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696–1896/ сост. есаул I Кубанского полка В. Толстов. под ред. Потто. В 2-х частях. Тифлис, 1901.
33. Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. 6. Оп. 13. Д. 3574.
34. ГАОО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 242.
35. Приказ № 168//Уральские войсковые ведомости. № 32 от 22 августа 1904 г.
36. Цит. по: Андреев С.М. Становление и развитие станичного самоуправления в Сибирском казачьем войске // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сборник научных статей. Вып. 3 / Науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2012.
37. Володин Е. Из следственной практики // КОВ. 1881. № 25.
38. Станица Родниковская // КОВ. 1896. № 139. С. 3.
39. Приказы по ОКВ. 1908 г. № 611.
40. ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 4183.
41. Приказ по Сибирскому казачьему войску № 164 от 7 ноября 1911 г.
42. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 79. Л. 55.
43. Цит. по: Рыблова М.А. Властные структуры и представления о власти у донских казаков в XVI – XIX в. // Труды Южного научного центра РАН. Т. V. Социальные и гуманитарные науки / Отв. ред. Е.Ф. Кринко. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009.
44. Крюков Ф. Казачьи станичные суды // Северный вестник. 1892. № 4.
45. Чемякин Е.А. Исторические традиции казачьего самоуправления в России: историко-правовой аспект. Волгоград: ГУ «Издатель», 2002.
46. Приказы по ОКВ. 1908 г. № 367.
47. Тмутараканский Л. Об экономико-социальном значении поземельного владения кубанских казаков // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1911. № 16.
48. Хорунжий Прасолов. Общественные сборы // КОВ. 1896. № 15.
49. Цит. по: Васильев И.Ю. Государство и общество в системе ценностей кубанского казачества (конец XVIII – начало XX в.): дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2008.

ORGANIZATION OF THE VILLAGE OF COSSACK SELF-GOVERNMENT AS THE BASIS OF EVERYDAY LIFE

© 2016

S.V. Lyubichankovskiy, doctor of historical sciences, professor, head of the Chair of History of Russia
Orenburg State Pedagogical University, Orenburg (Russia)

E.V. Godovova, candidate of historical sciences,
associate professor of the Chair of Humanities and Socio-Economic Disciplines
*Orenburg Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Orenburg (Russia)*

Abstract. The paper presents the evolution of the formation of the system of local government in the Cossack armies in Russia. Cossacks living in villages with towns belonging to it were Cossack society. Local Cossacks authority It was Village chieftain, Village descent, Village court, Cossack community. Organization of the Village government

in the Cossack army was virtually identical to that due to the fact that the reform of the Cossack troops went on the model of the Don and Kuban troops. This system has been transformed at the beginning of the twentieth century. Fall elective responsibility, a manifestation of laziness and indifference of the Cossacks it was due to property, education and psychological disunity. Contemporaries noted that many members of the village office turn of the century were literate, prone to drunkenness and extortion. An increasing number of the Cossacks did not attend gatherings and did not pay the dues. But, despite this, the Cossack communities continued to live, to regulate agrarian relations, contributed to the development of health and education.

Keywords: Russian Cossacks; village self-government; public management of villages; everyday life; everyday life of the Cossacks; Village chieftain; Village descent; Village court; Cossack community.

УДК 94(47).08

РЕАЛИЗАЦИЯ ТЮРЕМНОЙ РЕФОРМЫ 1890-Х ГГ. В ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

© 2016

С.В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России
Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург (Россия)

Аннотация. В статье дан анализ процесса реализации в Оренбургской губернии закона 1890 года об учреждении новых региональных структур пенитенциарного управления – губернской тюремной инспекции и тюремного отделения губернского правления. Рассматриваются специфика реализации тюремной реформы в крае, отношение губернаторской власти к появлению новых бюрократических структур, особенности взаимодействия между созданными органами управления, а также определяется место, занятое представителями тюремной администрации в региональном бюрократическом сообществе после реализации реформы. Сделан вывод о том, что реализация закона 1890 года в Оренбургской губернии проходила с существенными региональными особенностями. Создание Оренбургской губернской инспекции было оформлено позже (в 1894 году), чем по империи в целом, в связи с затянувшейся реализацией судебной реформы 1864 года на территории края. Однако эта инспекция стала значительно более влиятельнее, чем подобные учреждения в других регионах империи, поскольку фактически подчинила себе тюремное отделение Оренбургского губернского правления и аккумулировала все основные компетенции в сфере тюремного дела. Статус Оренбургского губернского тюремного инспектора по ряду признаков был равен статусу вице-губернатора.

Ключевые слова: пореформенная Россия; российская государственность; губернская тюремная инспекция; тюремное отделение губернского правления; Оренбургский край; эффективность; модернизация; тюремная реформа; тюремный инспектор; бюрократическое сообщество; губернаторская власть.

За последние десятилетия многие стороны жизни позднеимперской России подверглись углубленному изучению отечественными и зарубежными учеными, одновременно явившись, как образно выразились Д. Симс и Э. Джадж, «оспариваемым ландшафтом» [1, с. 10–11]. На этом фоне требуется изучение роли местной бюрократии в разворачивающихся модернизационных процессах середины XIX – начала XX вв. Исследование данной проблематики целесообразно проводить на губернском уровне. Сошлемся здесь на крупного историка и теоретика исторической науки Л. Хефнера, по мнению которого «особенно перспективным представляется исследование в обозримых региональных рамках ...», поскольку «такая территориально ограниченная аналитическая модель в конечном счете способна дать более материала для построения макромоделей», ведь в «территориальных образованиях существовали феномены, которые ввиду отсутствия межрегиональных форм и сетей коммуникации не были представлены в национальном масштабе или присутствовали только в рудиментарном виде» [2, с. 50–51].

В качестве предмета анализа избран процесс реализации в Оренбургской губернии закона 1890 года об учреждении новых региональных структур пенитенциарного управления. В центре внимания находятся вопросы специфики реализации тюремной реформы в крае, отношения высшей местной власти к появлению новых бюрократических структур, вы-

страивания взаимодействия между новыми элементами системы пенитенциарного управления, а также определение места, занятого представителями тюремной администрации в региональном бюрократическом сообществе после реализации реформы.

Одной из важнейших причин изменений в тюремной политике во второй половине XIX века была неэффективность системы пенитенциарного управления. Широко известен главный шаг, предпринятый реформаторами для исправления сложившейся ситуации «многовластия»: учреждение в 1879 году в составе МВД Главного тюремного управления – единого координационного центра в сфере пенитенциарной деятельности на общеимперском уровне. Собственно, именно после этого нововведения и возникло выражение «тюремная реформа 1879 года» – самая поздняя из «Великих реформ».

Сосредоточение функций управления пенитенциарной системой в столице повлекло за собой необходимость проведения соответствующих изменений и на местном уровне. Следующим шагом в данном направлении и стало издание закона от 21 марта 1890 года [3]. Им были учреждены губернские тюремные инспекции во главе с губернскими тюремными инспекторами. Они были созданы не повсеместно – собственно, ни одна из т.н. «Великих реформ» в сфере управления (судебная, земская, городская) не распространялась на всю империю. В этом случае в период вплоть до 1895 года эти инспекции появились в 24